

Помфри вела себя так, будто не знала, что я не Драко Малфой. Ее деликатные и заботливые слова делали пребывание в больничном крыле более комфортным. Если бы не отвратительно горькие зелья, которые Помфри мне иногда давала, жизнь в больничном крыле была вполне роскошной. До такой степени, что я иногда путал, не в поместье ли я Малфоев.

Паркинсон, должно быть, перепутала больничное крыло с гостиной Слизера. Стоило мне попытаться уснуть, как она являлась в любое время и начинала болтать, причем половина ее слов была руганью в адрес других учеников. Другая половина — о занятиях. Паркинсон, похоже, беспокоилась, что я не смогу наверстать упущенное на уроках. Честно говоря, меня больше интересовало не содержание уроков, а то, как формируется общественное мнение в Хогвартсе. Когда я спрашивал об этом, ответ Паркинсон всегда был одинаков:

— О, Драко. В Слизерине ты настоящий герой! Твой безупречный этикет, то, как ты вежливо обошелся с этим грубияном Хагридом, — это было так здорово. На этот раз даже Когтевран и Пуффендуй с нами согласны. После этого Гриффиндор и пикнуть в сторону Слизера не смеет. Все больше учеников отказываются посещать этот урок, да и общественное мнение среди чистокровных ухудшилось. Теперь Азкабан — это лишь вопрос времени!

Я смог воочию убедиться в правдивости этих радостных слов на уроке Ухода за Магическими Существами. Это случилось меньше чем через два дня после того, как я наконец сбежал из больничного крыла, получив зелье от Помфри.

Как и говорила Паркинсон, Слизерин смотрел на меня, как на Гарри Поттера. Что бы я ни делал, они одаривали меня невероятно обременительными взглядами и расточали похвалы, переходящие в дифирамбы, которые лились как вода. Когда это Паркинсон успела размножиться на несколько десятков человек? Мне хотелось смыть с себя эти липкие, «облизывающие» взгляды.

Если я в Слизерине превратился в Гарри Поттера, то Хагрид становился Волан-де-Мортом. Если в гостиной Слизера случайно произносили имя «Хагрид», все тут же захлопывались, как ракушки. Все, словно сговорившись, не ходили на Уход за Магическими Существами и вели себя так, будто человека по имени Рубеус Хагрид не существовало.

— Ты куда?

— На Уход за Магическими Существами. А вы не идете?

Я должен был знать, насколько упала репутация Хагрида. Пусть в Слизерине Хагрид и был худшим из худших, ученикам других факультетов он мог, как ни странно, нравиться. Либо же его репутация не просто пробила дно, а ушла глубоко под землю. Лично я надеялся на первое.

— А... Я спрошу и у других!

Паркинсон сказала это бодрым тоном и резко развернулась. Однокурсники, валявшиеся по

всей гостиной, собрались в кружок и зашептались. Шепот был таким тихим, что его почти заглушал шум воды за окнами, но мои уши хорошо уловили его.

— Почему Драко идет?

— Зачем ему видеть этого лесничего?..

— Ему нравятся магические существа?

— Его укусил Гиппогриф, как они могут ему нравиться?

— Может, ему нравится, когда его ранят...

— Шутишь, Крэбб?

— Может, он хочет использовать посещение урока как предлог, чтобы надавить на Хагрида?

Булстроуд прошептала, щелкнув пальцами. «А-а...» — тут и там раздались вздохи озарения. «Так вот в чем дело». «Молодец, что догадалась, Миллисент». Под градом похвал Булстроуд вскинула подбородок и выпятила грудь. Мне захотелось хлопнуть себя по лбу. Это не так... Фраза, которую я пробормотал себе под нос, утонула в булькающем шуме воды.

— Тогда нам нужно численное преимущество?

— Тебе же такое не нравилось.

— Некомпетентных профессоров, которые вредят окружающим, я ненавижу еще больше.

Шепот прекратился, сопровождаемый фырканием. Ученики обменялись взглядами и решительно кивнули. В центре этого круга Паркинсон с особенно трагичным выражением лица выкрикнула. Из-за того, что гостиная находилась под озером, ее голос гулким эхом разнесся по комнате:

— Мы идем с тобой, Драко!

Ученики пылали так, что можно было не разжигать камин. Они бы все равно меня не послушали, скажи я им не ходить, так что я в конце концов неохотно кивнул.

Путь к хижине Хагрида был тернистым. Казалось, у меня есть феромоны, привлекающие животных. Меня уже тошнило от вида тварей, которые ко мне липли. Я потерял носом о рукав, но не почувствовал никакого запаха.

— Что это?!

— Лукотрус, Клабберт, а вон то... не знаю.

— Почему к нам липнет столько тварей?

— Не знаю. Раньше такого не было, но, кажется, стало хуже после того, как я отключился. Неужели это все из-за той сволочи...

Я взмахом палочки отогнал Лукотруса, прицепившегося к моему ботинку, как пиявка. Раньше, когда я носился туда-сюда, пытаюсь сохранить канон, все было не так плохо. Они не кидались на меня и не кусали, просто демонстрировали легкое отторжение. Что, черт возьми, сделал этот ублюдок-бог? Я стиснул зубы, представляя сияющее лицо ублюдка-бога.

— Протего!

— Протего, Протего, Протего...

— Я же говорил, что нам надо было пойти отдельно.

«Хотите разделиться сейчас?» — предложил я ученикам, чьи лица стали цвета травы. Они закатили глаза, переглядываясь. Паркинсон, словно говоря «ни за что», взмахнула палочкой. «Протего!» — вырвалось раздраженное заклинание.

— Мы почти пришли, ясно?

— В-верно. Глупо сейчас разделяться, — Крэбб усердно поддакнул. «Верно. Так нельзя». Ученики, которые мгновение назад колебались, поспешно передумали. В их невозмутимом виде не было и следа сомнений.

В Слизерине семья была невероятно важна. Насколько? Настолько, что они готовы были рисковать, лишь бы оставаться в фаворе. Я даже не хотел знать, сколько расчетов и умственных усилий было скрыто за этим ответом. Я просто пожал плечами.

— А, и не задирайте профессора Хагрида без причины.

— Что? Почему?

— ...Я сам с ним разберусь.

Это был ответ, который мог понять только слизеринец. Ученики не просто одобительно

загудели, но даже захлопали. Как же они стараются подлизаться к одному человеку. Я не стал указывать на мелькнувшее в глазах Дэвиса выражение «жалкий». Понятно, почему ребенок, растущий в такой среде, становится таким гнилым.

Грубый стол, сколоченный, казалось, из необработанного дерева, стоял на открытой лужайке. Гриффиндорцы, похоже, сильно удивились, увидев, что слизеринцы, бойкотировавшие урок, явились сами.

Шепот становился все громче, но ни слизеринцы, ни я не обращали на него внимания. Честно говоря, липнущие ко мне животные раздражали куда больше, чем гриффиндорский шепот. Я уже начал беспокоиться, не придет ли следом тролль, когда почувствовал, как дрожит земля. Накаркал? Я настороженно вскинул палочку, но ученики лишь хихикали и бормотали: «А вот и наш профессор по Уходу за Сраной Жижей!»

— Здравствуйте, Профессор.

— ...Да, Малфой.

Казалось, само лицо Хагрида выражало крайнюю усталость. Его покрасневшие глаза выглядели так, словно он много плакал, а темные круги под ними были чернее синяков. Увидев еще и багровую сыпь, я невольно понурил голову. Эти следы, запечатлевшиеся на его лице, как доказательство всех невзгод, выглядели довольно жалко.

— Какой наглый.

— Это потому, что он такой здоровый? Почти как тролль.

Хихиканье и перешептывания заполнили пустоту, и было очевидно, что это говорится специально, чтобы Хагрид слышал. Я открыл рот, чтобы приструнить слизеринцев, но это сказали гриффиндорцы. Львы, которые обычно так рьяно защищали Хагрида! Я украдкой взглянул на лицо Хагрида — он никак не отреагировал. Казалось, он привык к подобным ситуациям.

— Возьмите все по одному Флоббер-червя. Браун, это Флоббер-червь Финнигана...

— Он в курсе, что мы уже которую неделю занимаемся только Флоббер-червями?

— Наверное, нет. Иначе бы он так не поступал.

— Я принес конфеты, будешь?

— А, давай!

Язвительность в адрес Хагрида смешалась с полным безразличием — ученикам было плевать, урок сейчас или перемена. Урок превратился из хаоса во что-то на уровне Гиппогрифа. Казалось, можно было заорать, и никто бы слова не сказал. Я попеременно смотрел на удрученное лицо Хагрида и на веселые лица учеников. Словно профессор и студенты поменялись местами.

— ...Он даже баллы не снимает?

— О, Драко. Ты хочешь, чтобы какой-то лесничий изображал из себя профессора?

— Этот лесничий, наверное, даже не знает, как снимать баллы.

От этого хихиканья мое последнее терпение улетучилось. Я сегодня впервые узнал, что гриффиндорцы так хорошо умеют язвить. Хагрид был почти как добыча, которую рвали на части змеи и львы. Да что там рвали — его, казалось, поджаривали, резали и смаковали.

Результат, оказавшийся хуже слухов, болтался прямо у меня перед носом. Я не мог поднять глаза. Я чувствовал себя преступником, хотя не сделал ничего плохого.

В этой ситуации я мало что мог сделать. Даже если я и собирался исказить канон, я не хотел менять его настолько сильно. Я хотел превратить победу в лучшую победу, а не обратить ее в поражение. Побочных эффектов от исчезновения Хагрида будет не один и не два.

Хотелось биться головой об пол. Спасение Блэка — это уже проблема, но что мне делать, если еще и Хагрид отправится в Азкабан? Хагрид ведь даже не анимаг.

Слухи уже разрослись как снежный ком, и мне было не под силу с ними справиться. Конечно, «я» с этим не справлюсь. А вот «Глава семьи Малfoy» — возможно.

Я отложил перо и внимательно перечитал письмо. Текст, сухо перечислявший доказательства невиновности Хагрида, был больше похож на отчет, чем на письмо. Я приложил к письму фотографии-доказательства и запечатал конверт. Оставалось только надеяться, что это сработает, и что Люциус и Нарцисса не поймут все неправильно.

<http://bllate.org/book/13876/1223703>